

УДК 811.161.1'0.09

ЦИТАТА В ЖИТИЙНОМ ТЕКСТЕ (на материале памятников поздней севернорусской агиографической традиции)

Светлана Андреевна Аверина

к. филол. н., доцент кафедры русского языка

Санкт-Петербургский государственный университет

199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7-9. swe-ta2008@yandex.ru

В статье рассматривается функционирование цитат из текстов Священного Писания в севернорусских житиях поздней агиографической традиции. Цитатный материал, выявленный на основании показательных признаковых характеристик цитаты, демонстрирует актуализацию в тексте разнообразных способов ее введения в текстовую структуру (художественную ткань) жития. Это может быть точное указание на источник цитации (церковный текст) или на лицо, высказывающее мысль. Возможна и двойная маркировка цитаты: указание на лицо и на тип богослужебного текста. Наиболее часты случаи, когда уточняющие указания отсутствуют, а маркируется цитата только глаголом речи (или соотносительными причастными образованиями). Значительное количество цитат никак специально не выделяется и включается в житийный текст как бы исходящими от автора. Идентификация подобных немаркированных цитат представляет значительные затруднения, поскольку они, как правило, подвергаются разного рода преобразованиям на лексико-грамматическом и синтаксическом уровнях. Особый интерес представляют способы и средства соединения в агиографическом тексте нескольких цитат («цитатных блоков»).

Рассмотренный материал весьма убедительно демонстрирует две существенно важные (и взаимосвязанные) функции цитат в агиографическом тексте – стилистическую и текстообразующую. Кроме того, оказывается возможным получить вполне наглядное представление о художественно-изобразительных особенностях севернорусской, в частности вологодской, агиографии.

Ключевые слова: агиография; житие; канон; топос; цитата; севернорусская агиографическая традиция.

doi 10.17072/2037-6681-2016-2-5-16

Особая роль памятников агиографической литературы в историко-культурном процессе несомненна. Агиография, являясь одним из основных литературных жанров на Руси на протяжении длительного времени (начиная с XI и фактически до XVII в.), составляет довольно значительную часть русского древнеписьменного наследия. Жития как литературный жанр характеризуются рядом специфических особенностей, однако определяющей в формировании системы жанрово-стилистических показателей агиографического текста оказалась генетическая связь оригинальной агиографии с переводными житиями и патерстикой.

Довольно строгое следование византийскому житийному канону, проявляющееся в использовании соответствующего набора языковых средств, особенностях словоупотребления, применении определенных синтаксических конструкций, своеобразных стилистических приемов и

др., позволяет в целом говорить о стереотипе житийного жанра.

Подход к агиографии только как к историко-культурному источнику в известном смысле обусловил и весьма негативную оценку такого стереотипа (см. подробнее: [Берман: 159–181]). Между тем именно агиографический канон был существенным, значимым в восприятии жития. Поэтика житий как литературного жанра подчинена литературному этикету, но при этом выбор художественно-изобразительных средств всегда мотивирован предметом изображения¹. «Литературный этикет вызывал особую традиционность литературы, появление устойчивых стилистических формул, перенос целых отрывков одного произведения в другое, устойчивость образов, символов-метафор, сравнений и т. д.» [Лихачев 1979: 91]. Но эта традиционность – «факт определенной художественной системы, факт, тесно связанный со многими явлениями поэтики древ-

нерусских литературных произведений, явление художественного метода» [Лихачев 1979: 92].

Специфика агиографического жанра обусловлена богословскими представлениями, лежащими в основе христианской идеологии, и это естественно нашло отражение в образной структуре жития, демонстрируя связь языковых средств с идейно-образным содержанием произведения. Многие из стилистических клише («литературных штампов») средневековой агиографии объясняются средневековой символикой. Действительно, «сложение житийных схем происходило под влиянием представлений о символическом значении всех событий человеческой жизни» [там же: 164].

Житие святого всегда имеет двойной смысл – само по себе и как образец для подражания, как нравственный идеал [там же]. Земное и небесное... Фактически все время соотносятся эти две сферы. Поэтому не случайно в агиографии с наибольшей силой проявляется тенденция к «абстрагированию», что, в свою очередь, связано со стремлением увидеть за вполне конкретными проявлениями символы вечного, высокого, божественного (см.: [там же: 111 и далее]). Это обнаруживается и в стремлении избежать конкретных, определенных наименований. Абстрагирование поддерживается и постоянными аналогиями из Священного Писания.

Арсенал литературных средств в средневековой агиографии весьма широк. Разнообразны метафоры-символы, сравнения, эпитеты. Они традиционны, что связано с традиционностью богословских представлений, лежащих в их основе (см.: [там же: 161 и далее]).

Агиография, будучи «одним из самых формализованных литературных жанров» [Руди 2005: 59], дает богатейший материал для изучения литературной (житийной) топики. Оставляя в стороне детальное обсуждение теоретических нюансов терминологической дискуссии (см.: [Адрианова-Перетц 1947; Лихачев 1979: 80–102; Панченко 1986: 236–250; Конявская 2004: 80–92; Двинятин 1995: 81–82; Руди 2005: 59–64; Šuževskij 1956: 105–112; Arbusow 1963: 91–95 и др.]), укажем на целесообразность широкого понимания термина «топос», согласно которому «топосом может быть любой повторяющийся элемент текста – от отдельной устойчивой литературной формулы до мотива, сюжета или идеи» [Руди 2005: 61]. Строго говоря, в этом случае термин «топос» оказывается «действительным как в отношении формальной, так и в отношении содержательной стороны текста», позволяя «объединить и унифицировать в себе многочисленные существовавшие до него обозначения» [там

же], – такие как «устойчивая литературная формула», «постоянная формула», «традиционная формула», «стилистическая формула», «трафаретная формула», «литературное клише», «повторяющийся мотив», «общее место» и т. п. (см.: [там же: 61–62]).

Являясь характерной особенностью агиографического текста, подобные структуры (формулы, клише, устойчивые стилистические формулы), по выражению Д. С. Лихачева, составляют «основной фонд» чисто церковной литературы (см.: [Лихачев 1979: 6, 8, 80 и далее]). Такие структуры переходят из произведения в произведение. Как правило, все они из текстов Священного Писания, сочинений отцов Церкви, а также произведений авторитетных авторов-агиографов. Заимствования и компиляции здесь вполне обычны, поскольку установка на канон предполагала стремление избегать индивидуальных особенностей стиля. Это характерная черта литературы церковных жанров.

Предваряя обсуждение конкретного материала, считаем необходимым высказать несколько общих соображений.

В сознании средневекового читателя библейские мотивы «не отделялись от их толкований и обработок в гимнографии и гомилетике» [Наумов 1993: 115]. Обычно «знание Б[иблейских] к[ниг] редко выходило за пределы того, что читалось за богослужением. Поэтому и библейские цитаты, заполнявшие в большом количестве как переводные, так и оригинальные памятники письменности, обычно выступают в той языковой форме, какая характерна для служебного типа библейского текста» [Алексеев, Лихачева 1987: 74].

Как отмечает А. Е. Наумов, «люди прекрасно понимали исключительную роль Св[ященного] Писания, но воспринимали отдельные слова и сюжеты, согласно их прав авторству, т. е. самым большим авторитетом пользовались слова Бога Отца и Иисуса Христа (logia) и мессианские стихи, затем следовал авторитет евангельского повествования, апостольских поучений и деяний, текстов пророчеств, книг мудрости... и в конце – исторических книг Ветхого Завета. Особенно смотрели на Псалтырь – это была вневременная модель молитвы, которую воспринимали как свою собственную» [Наумов 1993: 116].

В настоящей статье рассматривается цитатный материал в агиографическом тексте (на материале группы вологодских житий поздней севернорусской агиографической традиции)². Не углубляясь в теоретическую проблематику цитации³, следует оговорить некоторые моменты, существенные для дальнейшего изложения. Анализ исследовательских работ, посвященных ци-

тации, позволил выделить ряд аспектов, важных для характеристики цитаты: «1) осознание цитаты как “чужого” текста в “своем” для автора и реципиента; 2) точность/неточность цитаты; 3) изменение семантики цитируемого текста; 4) функции цитаты; 5) место цитаты в ряду семиотических единиц» (см.: [Рогачевская 1989: 16]).

Ввиду того что общепринятого определения цитаты не существует, корректно воспользоваться дефиницией «чужой текст в своем», тем более что этот признак всеми учеными признается основным. Необходимо отметить, что в каждом конкретном случае квалификация текстового фрагмента как цитаты, его атрибуция на основании сопоставления с каким-либо типом богослужебного текста (предполагаемого источника) – процедура, являющаяся своего рода «первичным» текстологическим анализом, что на данном этапе представляется необходимым и вполне достаточным.

В результате оказалось возможным атрибутировать (отождествить с тем или иным из соотносимых фрагментов текста Священного Писания) значительную часть цитатного материала. Вместе с тем для некоторого количества цитат надежная атрибуция оказывается невозможной без более детальной текстологической проработки материала.

Следует сказать, что указанная существенная признаковая характеристика цитаты (осознание цитаты как чужого текста) делает возможной актуализацию в тексте разнообразных способов ее введения в текстовую структуру (художественную ткань) жития. Цитата выделяется автором эксплицитно. Это несомненное свидетельство того, что автор пользовался ею осознанно. Возможно точное (либо более или менее точное) указание на источник цитации – церковный текст или лицо, которому принадлежит высказывание.

Формулы обозначения «чужого» текста могут быть следующие: А) точная ссылка на книгу/группу книг; Б) указание на лицо, которому принадлежит высказывание (Господь, апостол, пророк).

А. 1. и слыша во еѵ(г)лїи глїющеє. аще кто хоцет помнѣ ит(т)и, да ш(т)вержетса себе и возметъ кр(с)тъ свои и градетьъ вослѣдъ же мене (ФТ, 53);

гл҃аше же ко всѣмъ: аще кто хоцетъ по мнѣ ити, да ш(т)вержетса себѣ, и возметъ крестъ свой и послѣдуетъ ми (Лк. 9: 23).

2. іакоже рече писанїе. красными ногами бл(г)овѣстоуѣща миръ (ДП, 209 об.);

іакоже єсть писано: коль красны нѡги благовѣствѣющїхъ мїръ, благовѣствѣющїхъ бл҃г҃а (Рим. 10: 15).

3. ї слыша(в) слово во стѡм еѵ(г)лїи что-мо аще ктѡ не о(с)тави(т) до(м) їли женѣ ї чада не може(т) быти мої ученикъ (ВТ, 35 об.) и далее: ...ї о(с)тави по гл҃ющеѡ. что слыша во стѡм еѵ(г)лїи чтомо женѣ ї дети ї до(м) ... (ВТ, 35 об.);

аще кто градетьъ ко мнѣ, и не возненавидитъ ш(т)ца своего и матерь, и женѣ и чадѣ, и братїю, и сестерь, ещѣ же и дш҃ш҃ свою, не можетъ мой быти оучникъ (Лк. 14: 26).

4. в си(н) днь псаломскы(н) рекоу. прїидѣте възра(д)уемса в памяти прп(д)внаго ш(т)ца нш҃го григорїа (ГП, 324–324 об.);

прїидите, возрадѡемся г(с)деви, воскликнемъ бг҃ш҃ спсїтелю нашемѡ (Пс. 94:1).

5. темъ подобаетъ по ап(с)лоу немощны(х) немощи носити ти и не себѣ оугожати. но искрѣнимъ. іако же и х(с)с(ъ) не себѣ оугождаа (ГП, 311–311 об.);

должны єсмы мы сильнїи немощи немощныхъ носити и не себѣ оугождати: кїждо же васть ближнемѡ да оугождаетъ во бл҃гоє къ созиданїю; иво и хр(с)тосъ не себѣ оугоди, но іакоже єсть писано: поношенїа поносашїхъ тебѣ нападѡша на ма (Рим. 15: 1–3).

Следующий пример представляется возможным трактовать как имплицитную цитацию:

6. пр(с)нш оумными шчима на єдинѣ взираа нестарѣемѡю жизнь. сегш ради кр(с)т на ramo прїимъсирѣ(ч) еѵ(г)льски послѣдова подвигоположникѡ хр(с)тѡ своемѡ (Ин.К, 206 об. – 207);

аще кто хоцетъ ко мнѣ ити, да ш(т)вержетса себѣ, и возметъ крестъ свой, и послѣдуетъ ми (Лк. 9: 23).

Указание на «чужеродность» текста может присутствовать имплицитно, когда автор рассчитывает на фоновые знания реципиента (см.: [Рогачевская 1989: 16]).

Б. 7. іако(ж) гѣ ре(ч) за всакъ празденъ глѣ дати ш(т)вѣтъ бг҃ш҃ въ днь соудный (КК, 114 об.);

гл҃ю же вамъ, іакш всако слово праздноє, еже аще рекѡтъ человекїи, воздадутъ ш немъ слово въ днь сѡднїи (Мф. 12: 36).

8. іако же самъ хс҃ глѣтъ. иже погубитъ дш҃ш҃ свою мене ради ї еѵ(г)лїа то и спсїтъ ю (ГП, 301 об.);

иже во аще хощеть дѣшѣ свою сп(с)ти, погубитъ ю: а иже погубитъ дѣшѣ свою мене ради сей спсѣтъ ю (Лк. 9: 24).

9. ...превышайте в любви бжїи и заповѣди егѡ сохраните страх(м) и трепето(м) поминающе слово бл(д)ки х(с)а, любави ма заповѣди моа совершаетъ (СН, 105);

и мы познахомъ и вѣровахомъ любовь, юже имать бгъ къ намъ. Бгъ любви естъ, и пребывааи въ любви въ бзѣ пребываетъ, и бгъ въ немъ пребываетъ (I Ин. 4: 16).

10. како же двѣдъ глаголе(т) дивен(н) бгъ во сты(х) свои(х) богъ їсраиле(в) (АТ, 6);

дивенъ бгъ во сты(х) своихъ: бгъ илєвъ, той дастъ силѣ и державѣ людемъ своимъ. Блг(с)венъ бгъ (Пс. 67: 36).

11. по пса(л)мопѣвцѣ глаголему, се удали(х)ся вѣгаа во(д)вори(х)ся в пустынѣ (АТ, 1 об.);

Се, оудалихса вѣгаа и водворихса въ пустыни (Пс. 54: 8).

12. како же рече прр(о)къ. близъ г(с)дь боащихса его и оуповающи(х) на мл(с)ть его (СН, 99);

блговолитъ г(с)дь въ боащихся егѡ и во оуповающихъ на мл(с)ть егѡ (Пс. 146: 1).

13. в се(м) вѣпїеть бж(с)твении паулѣ любви не раз(д)ражается любви не гордится. любви не (о)влазжетса. не свои(х) си еше(т) но искренавѡ (ДГ, 34–34 об.).

любви долготерпитъ, милосѣрдствуетъ, любви не завидитъ, любви не превозноситса, не гордится, не безчинствуетъ, не ищетъ своихъ си, не раздражается, не мыслитъ зла (I Кор. 13: 4–5).

Имеет место и двойная маркировка цитаты: ссылка на книгу/группу книг и указание на конкретное лицо, которому принадлежит высказывание:

14. в сем бо гъ въ блговѣствованїи рече; блжени нищїи дхѡ(м) како тѣ(х) естъ цр(с)тво небесное (ДП, 207 об.);

и в(т)верзъ оуста своа, оучаше ихъ, гла: блжени нищїи дхѡмъ: како тѣхъ естъ цр(с)твїе нв(с)ное (Мф. 5: 2–3).

15. и воспоминавѣ спсѡво слово во стѡмъ еван(г)лїи аще и весь миръ привращетъ дшѣ в(т)щетитъ (Ио.К, 9–9 об.);

каа во польза человекѣ, аще мїръ весь привращетъ, дшѣ же свою втщетитъ; или что дастъ человекѣкъ измѣнѣ за дшѣ свою (Мф. 16: 26).

Как можно видеть, в качестве конструкций, вводящих чужой текст, выступают и более слож-

ные структуры, нередко представляющие собой контаминацию нескольких синтагм:

16. блжєннїи (ж) [Корнилий Комельский] воспоманоувѣ гнє слово въ еван(г)лїи глїющеє и(ж) аще кто не в(т)вержетса себе, и не возме(т) кр(с)та своего. и вослѣ(д) мене не граде(т) не може(т) быти мой оучникъ (КК, 155 об.).

Ср.: и иже не носитъ креста своего и вслѣдъ мене градѣтъ, не можетъ мой быти оучникъ (Лк. 14: 27);

такѡ оубо всакъ в(т) васъ, иже не в(т)речетса всегѡ своего имѣнїа, не можетъ быти мой оучникъ (Лк. 14: 33).

Характерно, что иногда слова Господа (или пророка) «транслирует» апостол, пророк либо сам преподобный (святой/праведник/блаженный):

17. внѣ [Корнилий] (ж) примаше с вѣрою приходящихъ поминаа с(л)ово г(с)не глїющеє. приходящаго ко мнѣ не иж(д)еноу вонъ (КК, 78 об.);

все, еже даѣтъ мнѣ шцѣ, ко мнѣ прїидетъ, и градѣщаго ко мнѣ, не изженѣ вонъ (Ин. 6: 37).

18. прп(д)бнїи (ж) дионисїе рече. псаломъ ѱї оуслышитъ тѣ. гъ въ днь печали. защи[ти]тъ тѣа има бга іаковла послѣ(т) ти помощь в(т) стго и в(т) сиѡна застоупи(т) тѣа (ГП, 307 об.);

оуслышитъ тѣа г(с)дь въ днь печали, защититъ тѣа има бга іаковла. послѣтъ тѣа помощь в(т) стгаѡ, и в(т) сиѡна застѣпитъ тѣа (Пс. 19: 1–2).

19. прп(д)бнїи же [Дионисий] знаменїемъ кр(с)тнымъ вграждеса и нача глати псало(м) двѣдъ ѱѱ... бже в помощь мою вонми, г(с)и помощи ми подшиса да постыдѣтса и посрамѣтса нищѣи дшѡу мою и прочее псалма (ГП, 314);

бже, въ помощь мою вонми: г(с)ди, помощи ми потшиса, да постыдѣтса и посрамѣтса нищѣи дшѣ мою, да возвратѣтса вспѣть и постыдѣтса хотѣши ми злаа: да возвратѣтса авїе стыдѣщеса глаголющи ми: благоже, благоже (Пс. 69: 1–3).

Наиболее часты случаи введения цитаты общим выражением, когда уточняющие указания отсутствуют, а маркирует цитату глагол речи (рещи, глаголати) либо синтагма, содержащая глагол речи или соотносительные причастные образования:

20. слыши глаголющаго, никтоже может двема г(с)днма [господнѡма] работати... (Ио.К, 14).

оубо сеи бѣаше непрестанно по ап(с)лѹ глаголющѹ молащиса. постомъ же и вѣдѣниемъ тѣло соклещал. и порабоцал (Ио.К. 21–21об.);

и вѣдетъ якъ древо насажденое, при исхѹдищихъ водѹ, еже плодъ свой дастъ во время свое, и листъ егѹ не ѡ(т)падетъ: и вса елика аще творитъ, оупѣетъ (Пс. 1: 3).

Коль сладка гортани моемѹ словеса твоа: паче меда оустѹмъ моимъ (Пс. 118: 103).

въ ранахъ, въ темницахъ, въ нестроенныхъ, въ трудѣхъ, во вѣдѣнияхъ, въ пощенныхъ (2 Кор. 6: 5).

Цитатная амплификация (компиляция цитат) – прием, состоящий в нанизывании цитат, точнее, в распространении важной для автора (основной) мысли цепью цитат из книг Священного Писания, – является, пожалуй, одним из самых ярких выражений художественных достоинств средневековой агиографии (см. подробнее: [Коновалова 1970: 73–80]).

Смысл цитации вполне очевиден: цитаты из Священного Писания используются как ссылка на авторитетный источник – для подтверждения правильности изложения и интерпретации событий.

Некоторые исследователи видят в этом проявление особой – авторитарной – функции цитаты (см.: [Рогачевская 1989: 18])⁴.

Если оценивать маркированные цитаты на фоне немаркированных, то подобное предположение вполне убедительно.

Следует обратить внимание на некоторые особенности использования Священного Писания как источника цитирования. Цитаты включаются в житийный текст целиком, передаются в ряде случаев довольно точно или с некоторыми незначительными изменениями (лексико-грамматическое варьирование). Возможно усечение (сокращение) или экспликация (расширение) текста цитаты за счет добавления отдельных слов, словосочетаний, контаминации фрагментов (двух и более цитат – как в случае цитатной амплификации). Дополнением может явиться и авторское истолкование цитаты (или цитат); часто автор не столько цитирует, сколько пересказывает отрывок из Священного Писания.

Некоторые такие пассажи, вероятно, появились под влиянием библейских образов, хотя и не имеют с ними буквального сходства (см.: [там же: 17]).

Показательны случаи, когда автор, цитируя псалом, опускает стих, заменяя его отсылкой «и проча»: и нача глагти псалом(м) дѣдовъ ѿ...

и прочее псалма (ГП, 314), или только называет его, указывая номер:

книга маріа прииде на поклоненіе и оузрѣ прп(д)внаго въ цркви молащиса и глица псалмы дѣдвы. р и н псалмов (АК, 379).

По всей видимости, автор «опознал» цитату, знал ее продолжение и предполагал такое же знание у читателя [там же: 18–19].

Отмечаемое исследователями отсутствие у средневековых авторов «стремления строго и точно цитировать тексты», «произвольное цитирование Св. Писания» проявлялось в том, «что варьирование текста по спискам затрагивало и библейские цитаты, их форма в разных рукописях одного текста подвержена большим колебаниям» (см.: [Алексеев 1999: 70]). Кроме того, автор, цитируя (например, Псалтырь), обычно не обращался к письменным источникам: «большое число ошибок в цитатах свидетельствует, что он цитировал по памяти, увлекаемый благоговением перед святым и не осознавая, что цитаты не точны» [Вигзелл 1971: 236]. Поэтому возможны отступления от исходного текста, носящие непреднамеренный характер (о намеренном характере ошибок агиографа см.: [там же: 233, 240]). Признак точности/неточности цитаты оценивается исследователями по-разному: для одних он не релевантен, для других является основополагающим (см.: [Рогачевская 1989: 17]).

В связи со сказанным приходится признать, что понятие точность/неточность цитаты в этом случае условно.

Вопрос о влиянии цитаты на смысл текста, в котором она используется, связан с проблемой отсылки к контексту. «Влияние цитаты на текст вызывает модификацию семантики текста», что «предполагает в качестве доминирующей функции цитаты отсылку к источнику для использования ассоциаций, связанных с ним» (см.: [там же: 18]). Если принимать во внимание характер и назначение агиографического произведения, совершенно очевидно, что введение в текст жития цитаты, явно преследующее цель вызвать у читателя определенные ассоциации и параллели (святой восхваляется, превозносится, сравнивается, уподобляется), существенно влияет на семантику текста (см. подробное обсуждение этого вопроса: [там же])⁵.

По мнению исследователей, одним из важных признаков цитаты следует считать ее принадлежность не только к семантическим, но и семиотическим единицам (см.: [Morawski 1970: 670–705]).

Имеет смысл остановиться еще на двух функциях цитаты в агиографическом тексте – стилистической и текстообразующей. Известно, что

цитаты являются важным стилиевым фактором, одним из главных элементов «этикетного стиля» (термин Д. С. Лихачева, см.: [Лихачев 1979: 84, 86 и др.; Алексеев 1999: 69]); в тексте они играют роль «стилистического ключа» (термин Р. Пиккио, см.: [Picchio 1977: 1–16]). Исследователи определяют орнаментальность древнеславянской прозы как «особенно интенсивное проявление поэтической речи»⁶. «Близость орнаментальной прозы к стиху выражается прежде всего в специфическом характере слова и в особенностях организации повествования» [Лихачев 1979: 117]. Основа организации текста в орнаментальной прозе – повтор и возникающие на его основе сквозная тема и лейтмотив (см.: [Коженикова 1976: 56]). Важно, что «обращающее на себя внимание в этом стиле повторение однокоренных слов, или одних и тех же слов, или слов с ассонансами... не является простой стилистической игрой, бессодержательным орнаментом, поскольку повторяются и сочетаются не случайные слова, а слова “ключевые” для данного текста, основные по смыслу» [Лихачев 1979: 118]⁷.

Целесообразно рассмотреть функционирование цитаты в житийном тексте на примере бинарных (парных) сочетаний – традиционных агиографических формул («микротопосов»), составляющих значительную часть «цитатного фонда» Священного Писания⁸.

Исходная формула **радость и веселие** активно используется и так же активно преобразуется в разных текстах Священного Писания:

прв(д)нын же въ радости и въ веселіи вѣдетъ (Пр. 29: 6);

гласъ веселіа и гласъ радости (Иер. 33: 11);

радѣйсѧ дщи сѣвонова... веселісѧ... дщи іер(с)лімла (Соф. 3: 14);

да возрадѣютсѧ и возвеселѧтсѧ ѡ тебѣ вси (Пс. 39: 17);

радѣисѧ и веселісѧ дщи іудѣйска (Плач. 4: 21);

радѣитесѧ и веселітесѧ, іакѡ мзда ваша многа на небѣхъ (Мф. 5: 12);

ѡ(т)пѣсти люди... веселѧщихсѧ и радѣющихсѧ (2 Пар. 7: 10).

В качестве иллюстрации приведем одно из типичных «общих мест» агиографического текста – «пассаж с мотивом похвалы святому – в двух вологодских житиях: Житии Корнилия Комельского (фрагмент I) и Житии Иоасафа Каменского (фрагмент II).

I. ...вгѡ(м) дарованны(и), ра(д)остнын достохвалнын красны днѣ. просвѣщаемъ свѣтозарнымъ слнце(м) веселіе намъ дарова

и радость. в памл(ть) свѣтлаго, и ч(с)тнаго добраго торжества...

възрадоуемсѧ того праз(д)нествѣ радостною дшѣю возвесели(м)сѧ веселіемъ ср(д)ца наше(г)...

ра(д)ѣитє(с) правє(д)нїи ѡ гѣѣ, правє(д)ны(м) по(д)обаєтъ похвала, и паки веселитє(с) ѡ гѣѣ, и ра(д)ѣитєсѧ правє(д)нїи... похваллємѣ правє(д)никѣ возвеселѧтсѧ людѣе (КК, 160–161 об.).

Увеличение синтаксического объема исходной формулы осуществляется за счет распространителя к каждому из ее компонентов (**веселіемъ ср(д)ца, радостною дшѣю**), что может сопровождаться и грамматическими преобразованиями (**радость – радоватисѧ – возрадоватисѧ; веселіе – веселитисѧ – возвеселитисѧ**).

Одним из свидетельств разрушения исходной формулы может служить возникновение новой структуры, в которой совмещены компоненты различных исходных синтагм (**радость и веселіе; дѣша и сердце**): **возрадѣемсѧ радостною дшѣю; возвеселимсѧ веселіемъ ср(д)ца**.

Расширение текста приводит к развертыванию антитезы, имплицитно представленной уже новой (развернутой) структурой, создание которой на базе ключевых слов исходной синтагмы (путем деривации) является несомненным свидетельством разрушения исходной синтагмы. Структурное преобразование текста неизбежно влечет за собой его семантическую экспликацию⁹. Очевидно, что в результате подобного синтаксического распространения происходит перераспределение смысловых акцентов.

II. и всакоѡ почести о взѣѣ, и радости достоина. имѣже ваши(х) вѣлюбивыхъ дшѣѣ, іако возлюбленныхъ чадъ ѡ(т)цѣ к дѣховномѣ веселію ннѣѣ возвавше. и іако любителѧ ѡ(т)ца во свѣтлей сей цркви радостно прѣемлюще, и любовію веселѧщесѧ... исполнь радости дѣховнаго веселіа, исполнь радости вж(с)твенныхъ словєѣ (Ио.К, 49–49 об.).

Каждый из компонентов устойчивого сочетания может включаться в новые синтаксические структуры, при этом происходит и грамматическая перемаркировка лексемы (**почести и радости достоина, дѣховномѣ веселію, радостно прѣемлюще, любовію веселѧщесѧ**).

Преобразование исходной синтагмы осуществляется в том случае, когда в нее включается в качестве третьего члена (расширяя ее границы) компонент другой синтагмы: **радости дѣховнаго веселіа**.

При таком сопряжении компонентов исходной структуры происходит разрыв прежних смысловых отношений и возникает новая смысловая перспектива. Словосочетание **дѹховное веселіе**, выступающее в качестве атрибутивного распространителя по отношению к компоненту традиционной формулы, можно трактовать как своего рода экспликатор стряжнего слова – компонента исходной структуры, расширяющий, обогащающий объем исходного понятия [Колесов 1989: 138–164].

Особый тип развертывания традиционной формулы представляют структуры в последней части фрагмента, демонстрирующие случай так называемого синтаксического параллелизма: (см.: [Лихачев 1979: 169–175]).

исполнь радости дѹховнаго веселіа = исполнь радости бж(с)твенных словесъ (т. е. “высшей радости”).

Как показывает материал, текстообразование происходит в результате трансформации традиционных формул-синтагм, репрезентирующих отношения синонимического характера.

Общее направление преобразования традиционных формул, механизм такого преобразования в целом одни и те же. Однако в каждом житийном тексте имеются и оригинальные текстовые структуры.

Рассмотренный материал вполне наглядно демонстрирует две существенно важные и взаимосвязанные функции цитаты в агиографическом тексте: стилистическую и текстообразующую. Специфика круга вологодских житий не только в их многочисленности, но также в том, «что все эти жития, сохранившиеся в многочисленных редакциях и вариантах и представленные... значительным количеством списков, обладают удивительной текстуальной связностью» [Семячко 2005: 125]. С несомненностью прослеживается влияние одних житий на другие. Выявлен ряд текстуальных совпадений; причем не только там, где подобного рода проявления были возможны и, более того, в связи с требованиями житийного жанра в известной степени регламентированы, но и в тех случаях, когда это не обязательно могло быть обусловлено требованиями агиографического канона. Характер совпадений различен: довольно значительное количество текстовых фрагментов имеет определенное сходство, в других случаях обнаруживается существенная близость, а иногда они почти идентичны.

Совершенно очевидно: характер использования цитатного материала в агиографическом тексте заслуживает изучения и с точки зрения текстологической и источниковедческой – для исследования истории агиографического текста или

«реконструкции текстологической традиции самих библейских текстов» [Алексеева 2002: 8], и с точки зрения собственно филологической – для исследования языка и стиля житий как памятников определенной жанровой принадлежности.

Примечания

¹Д. С. Лихачев, которому принадлежит заслуга введения в науку понятия «литературный этикет», отмечает: «Литературный этикет и выработанные им литературные каноны – наиболее типичная средневековая условно-нормативная связь содержания с формой» [Лихачев 1979: 80–81].

Литературный этикет «слагается из представлений о том, как должен был совершаться тот или иной ход событий; из представлений о том, как должно было вести себя действующее лицо сообразно своему положению; из представлений о том, какими словами должен описывать писатель совершающееся. Перед нами, следовательно, этикет миропорядка, этикет поведения и этикет словесный» [Лихачев 1979: 90].

²Ранее подобное исследование было предпринято на материале севернорусских (в основном новгородских, псковских, поморских) житий по спискам XVI в. (см. подробнее: [Аверина 2007]).

Материалом для настоящего исследования послужили 14 севернорусских (оригинальных) житий, изданных по рукописям XVI–XVIII вв. Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге, Библиотеки Академии наук и Вологодского областного музея-заповедника в серии «Памятники русской агиографической литературы» совместно Санкт-Петербургским государственным университетом и Вологодским государственным педагогическим университетом под редакцией профессора А. С. Герда (см. список источников исследования и их сокращенные названия).

Иллюстративный материал воспроизводится с сохранением орфографии источника, за одним исключением: выносные буквы вносятся в строку в круглых скобках; после цитаты дано сокращенное название источника и указывается лист рукописи. Текст Священного Писания цитируется по Синодальному изданию церковнославянской Библии [Библия 2005].

³См.: [Рогачевская 1989: 16]. Имеются также интересные теоретические разработки на современном и на историческом материале (см.: [Смирнов 1977: 98 и далее; Рогачевская 1990: 2–3; Рогачевская 1992: 181–199; Вигзелл 1971: 232–241; Двинятин 1995: 80–101 и др.]).

⁴Функциональная классификация цитаты была сделана С. Моравским [Morawski 1970: 670–705].

⁵В качестве аргументации ограничимся ссылкой на высказывание С. Моравского: «Цитата не только семантическая, но и семиотическая единица. Она принадлежит к диахронной структуре, в которой с помощью регулярной перестановки знаков (а цитата несомненно является таковым), устоявшихся или появившихся вновь, – имеет место проверка временем. Но поскольку цитата принадлежит также и к синхронной структуре, эта семиотическая единица функционирует в особом ситуативном контексте, выражая определенную интенцию, заложенную адресантом, которая реализуется в зависимости от специальных нужд различных адресатов» [Mogawski 1970: 670] (цит. по: [Рогачевская 1989: 19]).

⁶Характер орнаментальной прозы очень точно определен Н. А. Кожевниковой: «Слово в орнаментальной прозе легко выходит за границы, поставленные ему языковой нормой...» [Кожевникова 1976: 58]. Между словом и его окружением возникают неустойчивые (подвижные) отношения: отношения притяжения–отталкивания. «Сталкиваются два стремления: с одной стороны, стремление к слитности, нерасчлененности, продиктованное общей ассоциативностью орнаментальной прозы, с другой – противоположное стремление, стремление к изоляции слова, его... выделению» [там же: 58–59].

⁷«Все приемы “орнаментальной прозы” рассчитаны на различные “приращения смысла”, на создание в тексте некоего “сверхсмысла”, который не противоречит “смыслу”, а “углубляет его, придает ему новые оттенки, объединяет слова с разным значением, требует осознания читателем глубинного значения» [Лихачев 1979: 118].

⁸ В дальнейшем при изложении материала используются термины «синтагма», «словосочетание», «формула» – как правило, с уточнением: устойчивая формула, исходная формула, исходное словосочетание, устойчивое словосочетание – в зависимости от потребности подчеркнуть или функциональное назначение словесного комплекса, или его ритмо-мелодическое и смысловое единство, т. е. грамматическую цельность, или акцентировать внимание на динамической характеристике процесса.

⁹Несомненно, подобным структурам принадлежала особая роль в создании целостного текста.

Их текстообразующая функция реализуется в процессе структурного преобразования, которое может иметь двоякий характер. Во-первых, это экспликация (развертывание синтагмы), проявляющаяся не только на структурном (структурное усложнение), но и на семантическом (обогащение добавочными смыслами) уровне. Во-вторых, разложение (своего рода усечение) син-

тагмы, что находит выражение в утрате одного из компонентов первоначальной синтаксической структуры. При этом могут возникать вторичные синтаксические структуры в результате актуализации новой сочетаемости у оставшегося компонента.

Список источников

АК – Житие Александра Куштского, по рукописи БАН, XVII в., Архангельское собр., д. 235, л. 371–403 об. Изд.: Жития Иоасафа Каменского, Александра Куштского и Евфимия Сянжемского / под ред. А. С. Герда. СПб: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2007. 216 с.

АТ – Житие Андрея Тотемского, по рукописи РНБ, кон. XVII – нач. XVIII вв., собр. Колобова, № 189, л. 1–8 об. Изд.: Жития Феодосия Тотемского, Вассиана Тиксенского и Андрея Тотемского / под ред. А. С. Герда. СПб: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2012. 176 с.

ВТ – Житие Вассиана Тиксенского, по рукописи РНБ, нач. XVIII в., собр. Колобова, № 189, л. 35–43 об. Изд. то же.

ГП – Житие Григория Пельшемского, по рукописи РНБ, XVI в., собр. Погодина, № 853, л. 301–326 об. Изд.: Жития Димитрия Прилуцкого, Дионисия Глушицкого и Григория Пельшемского / под ред. А. С. Герда. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2003. 296 с.

ДГ – Житие Дионисия Глушицкого, по рукописи РНБ, 20-е гг. XVI в., Софийское собр., № 438, л. 22–68 об. Изд. то же.

ДП – Житие Димитрия Прилуцкого, по рукописи РНБ, XVI в., Софийское собр., № 1361, л. 201–221 об. Изд. то же.

Ин.К – Житие Иннокентия Комельского, по рукописи РНБ, нач. XVIII в., собр. Погодина, № 647, л. 205–218 об. Изд.: Жития Иннокентия Комельского, Арсения Комельского и Стефана Комельского / под ред. А. С. Герда. СПб: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2010. 182 с.

Ио.К – Житие Иоасафа Каменского, по рукописи РНБ, нач. XVIII в., Соловецкое собр., № 227/227, л. 1–75 об. Изд.: Жития Иоасафа Каменского...

КК – Житие Корнилия Комельского, по рукописи РНБ 1606 г., собр. Погодина, № 647, л. 68–180. Изд.: Житие Корнилия Комельского / под ред. А. С. Герда. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2004. 182 с.

СН – Житие Сергия Нуромского, по рукописи РНБ, XVI в., Софийское собр., № 1470, л. 89–139 об. Изд.: Жития Павла Обнорского и Сергия Нуромского / под ред. А. С. Герда. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2005. 336 с.

ФТ – Житие Феодосия Тотемского, по рукописи ВОКМ, кон. XVIII в., № 2011, л. 51 об. – 82 об. Изд.: Жития Феодосия Тотемского...

Библия: Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета на церковнославянском языке с параллельными местами. М.: Росс. библейское общество, 2005. 1658 с.

Список литературы

Аверина С. А. Цитата в житийном тексте // Грани русистики: Филологические этюды: сб. ст., посвящ. 70-летию проф. В. В. Колесова. СПб: Филол. фак-т С.-Петербур. гос. ун-та, 2007. С. 217–222.

Адрианова-Перетц В. П. Очерки поэтического стиля Древней Руси. М.; Л., 1947. 184 с.

Алексеев А. А. Текстология Славянской Библии. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. 254 с.

Алексеев А. А., Лихачева О. П. Библия // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. I (XI – первая половина XIV в.) / отв. ред. Д. С. Лихачев. Л.: Наука, 1987. С. 68–83.

Алексеева Е. Л. Текстологическое значение структуры цитат из Священного Писания в оригинальных древнерусских житиях // Материалы XXXI Всеросс. науч.-метод. конф. преподавателей и аспирантов. Вып. 4: Секция прикладной и математической лингвистики. СПб.: Филол. фак-т С.-Петербур. ун-та, 2002. Ч. 1 С. 8–13.

Берман Б. И. Читатель жития (Агиографический канон русского средневековья и традиции его восприятия) // Художественный язык Средневековья / отв. ред. В. А. Карпушин. М., 1982. С. 159–183.

Вигзелл Ф. Цитаты из Священного Писания в сочинениях Епифания Премудрого // Труды Отдела древнерусской литературы. М., 1971. Т. XXVI. С. 232–241.

Двинятин Ф. Н. Традиционный текст в торжественных словах св. Кирилла Туровского. Библейская цитация // Герменевтика древнерусской литературы. М., 1995. Сб. 8. С. 81–101.

Коновалова О. Ф. Об одном типе амплификации в Житии Стефана Пермского // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1970. Т. XXV. С. 73–80.

Конявская Е. Л. Проблема общих мест в древнеславянских литературах (на материале агиографии) // Ruthenica. Київ, 2004. Т. 3. С. 80–92.

Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. 3-е изд., доп. М.: Наука, 1979. 357 с.

Наумов А. Е. Кирилл Туровский и Священное Писание // Philologia Slavica: к 70-летию акад. Н. И. Толстого. М., 1993. С. 114–124.

Панченко А. М. Топика и культурная дистанция // Историческая поэтика: Итоги и перспективы изучения. М., 1986. С. 236–250.

Рогачевская Е. Б. О некоторых особенностях средневековой цитации (на материале ораторской прозы Кирилла Туровского) // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. 1989. № 3. С. 16–20.

Рогачевская Е. Б. Принципы использования текстов Священного Писания в произведениях русских ораторов XI и XII вв.: Митрополит Иларион и Кирилл Туровский // Проблемы развития русской литературы XI–XX вв. М., 1990. С. 2–3.

Рогачевская Е. Б. Библейские тексты в произведениях русских проповедников: К постановке проблемы // Герменевтика русской литературы X–XV вв. Сб. 3. М., 1992. С. 181–199.

Руди Т. П. Топика русских житий (вопросы типологии) // Русская агиография: Исследования. Публикации. Полемика / отв. ред. С. А. Семячко. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. С. 59–101.

Семячко С. А. Проблема изучения региональных агиографических традиций (на примере вологодской агиографии) // Русская агиография: Исследования. Публикации. Полемика / отв. ред. С. А. Семячко. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. С. 122–142.

Смирнов И. П. Художественный смысл и эволюция поэтических систем. М., 1977. С. 98–99.

Arbusow L. Colores rhetorici. Eine Auswahl rhetorischer Figuren und Gemeinplätze als Hilfsmittel für akademische Übungen an mittelalterlichen Texten. 2. Aufl. / Hrsg. von Helmut Peter. Göttingen, 1963. S. 91–95.

Čyževskýj D. Zur Stilistik der altrussischen Literatur. Topik // Festschrift für Max Vasmer zum 70. Geburtstag am 28. Februar 1956. Wiesbaden, 1956. S. 105–112.

Morawski S. The basic Functions of Quotation // Sign. Language. Culture. The Hague – Paris, 1970. P. 670–705.

Pichio R. The Function of Billical Thematic Clues in the Literary Code of Slavia Prtodoxa // Slavica Hierosolymitana. 1977. Vol. 1. P. 1–16.

References

Averina S. A. Tsitata v zhitijnom tekste [Quotation in hagiography]. *Grani rusistiki: filologicheskie etjudy: Sbornik statej, posvjashhjonnyj 70-letiju professora V. V. Kolesova* [Faces of Russian studies: Philological sketches: collected articles devoted to the 70th anniversary of prof. V. Kolesov]. St. Petersburg, 2007. P. 217–222.

Adrianova-Peretts V. P. *Očerki poetičeskogo stilja Drevnej Rusi* [Essays on poetic style of the Old Rus]. Moscow; Leningrad, 1947. 184 p.

Alekseev A. A. *Tekstologija Slavjanskoj Biblii* [Textology of the Slavic Bible]. St. Petersburg, Dmitry Bulanin Publ., 1999. 254 p.

Alekseev A. A., Likhachjova O. P. *Biblija* [The Bible]. *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnej Rusi* [Lexicon of scribes and book-learning of the Old Rus. Vol. 1. From the 11th to the first half of the 14th c.]. Leningrad, Nauka Publ., 1987. P. 68–83.

Alekseeva E. L. *Tekstologičeskoe značenie struktury tsitat iz Svjashennogo pisanija v original'nykh drevnerusskikh zhitijakh* [Textological meaning of the structure of quotations from the Holy Writ in the original Old Russian hagiography]. *Materialy 31-j Vserossijskoj naučno-metodičeskoj konferentsii prepodavatelej i aspirantov. Vyp. 4: Sektsija prikladnoj i matematičeskoj lingvistiki* [Proceedings of the 31st All-Russian Scientific Conference for lecturers and postgraduate students]. St. Petersburg, Philological Faculty of St. Petersburg State University Publ., 2002. P. 8–13.

Berman B. I. *Chitatel' zhitija* (Agiographičeskij kanon russkogo srednevekovja i traditsii ego vospriatija) [The reader of hagiography (hagiographical canon of the Russian Middle Ages and traditions of its perception)]. *Khudozhestvennyj jazyk Srednevekovja* [Artistic Language of the Middle Ages]. Ed. by V. A. Karpushin Moscow, 1982. P. 159–183.

Vigzell F. *Tsitaty iz Svjashennogo pisanija v sočinenijakh Epifanija Premydrego* [Quotations from the Holy Writ in works of Epifanij Premydryj]. Moscow, 1971. Vol. 26. P. 232–241.

Dvinjatin F. N. *Traditsionnyj tekst v torzhestvennykh slovakh sv. Kirilla Turovskogo. Biblejskaja tsitatsija* [Traditional text in the ceremonial words by St. Kirill Turovsky. The Bible quotation]. Moscow, 1995. Vol. 8. P. 81–101.

Konovalova O. F. *Ob odnom tipe amplifikatsii v zhitii Stefana Permskogo* [On one type of amplification in hagiography of Stephan Permsky]. *Trudy Otdela drevnerusskoj literatury* [Works of the Department of Old Russian Literature]. Moscow; Leningrad, 1970. Vol. 25. P. 73–80.

Konjavskaja E. L. *Problema obshhikh mest v drevneslavjanskikh literaturakh (na materiale agiografii)* [The problem of commonplace in Old Slavonic literature (a case study of hagiography)]. *Ruthenica*. Kiev, 2004. P. 80–92.

Likhachjov D. S. *Poetika drevnerusskoj literatury* [Poetics of Old Russian literature]. Moscow: Nauka Publ., 1979. 357 p.

Naumov A. E. *Kirill Turovskij i svjashhenoe pisanie* [Kirill Turovsky and the Holy Writ]. *Philologia slavica: k 70-letiju akademika N. I. Tolstogo*

[Philologia Slavica: in commemoration of the 70th anniversary of the academician N. I. Tolstoy]. Moscow, 1993. P. 114–124.

Panchenko A. M. *Topika i kul'turnaja distantsija* [Topic and cultural distance]. *Istoricheskaja poetika: itogi i perspektivy izučenija* [Historical poetics: results and prospects of studying]. Moscow, 1986. P. 236–250.

Rogachevskaja E. B. *Biblejskie teksty v proizvedenijakh russkikh propovednikov: k postanovke problemy* [The Bible texts in works of Russian preachers: problem statement]. *Germenevtika russkoj literatury X–XV vv.* [Hermeneutics of Russian literature of the 10th–15th cent.]. Moscow, 1992. P. 181–199.

Rogachevskaja E. B. *Principy ispol'zovanija tekstov svjashennogo pisanija v proizvedenijakh russkikh oratorov XI i XII vv.: mitropolit Ilarion i Kirill Turovskij* [The principles of the Holy Writ texts usage in works by Russian orators of the 11th–12th cent.: Metropolitan Ilarion and Kirill Turovsky]. *Problemy razvitija russkoj literatury XI–XX vv.* [The problems of Russian literature development in the 11th–20th cent.]. Moscow, 1990. P. 2–3.

Rogachevskaja E. B. *O nekotorykh osobennostjakh srednevekovoj tsitatsii (na materiale oratorskoj prozy Kirilla Turovskogo)* [On some peculiarities of the medieval citation (a case study of oratorical prose by Kirill Turovsky)]. *Naučnyje doklady vyssšej shkoly. Filologičeskie nauki* [Philological sciences. Scientific essays of higher education]. 1989. Vol. 3. P. 16–20.

Rudi T. R. *Topika russkikh zhitij (voprosy tipologii)* [Topic of Russian hagiography (questions of typology)]. *Russkaja agiografija: Issledovanija. Publikatsii. Polemika* [Russian hagiography: Researches. Publications. Polemics]. Ed. by S. A. Semjachko. St. Petersburg, Dmitry Bulanin Publ., 2005. P. 59–101.

Semjachko S. A. *Problema izučenija regional'nykh agiografičeskikh traditsij (na primere vologodskoj agiografii)* [The problem of studying regional hagiographic traditions (a case study of Vologda hagiography)]. *Russkaja agiografija: Issledovanija. Publikatsii. Polemika* [Russian hagiography: Researches. Publications. Polemics]. Ed. by S. A. Semjachko. St. Petersburg, Dmitry Bulanin Publ., 2005. P. 122–142.

Smirnov I. P. *Khudozhestvennyj smysl i evoljutsija poetičeskikh sistem* [Artistic sense and evolution of poetic systems]. Moscow, 1977. P. 98–99.

Arbusow L. *Colores rhetorici. Eine Auswahl rhetorischer Figuren und Gemeinplätze als Hilfsmittel für akademische Übungen an mittelalterlichen Texten* [Colores rhetorici. A selection of of speech and common truth as a tool for

academic exercises in medieval texts]. 2nd edition. Göttingen: Helmut Peter, 1963. P. 91–95.

Čyževskýj D. Zur Stilistik der altrussischen Literatur. Topik. [On stylistics of Old Russian literature]. *Festschrift für Max Vasmer zum 70. Geburtstag am 28. Februar 1956* [Anniversary edition in commemoration of the 70th Max Fasmer's anniversary]. Wiesbaden, 1956. P. 105–112.

Morawski S. The basic Functions of Quotation. *Sign. Language. Culture*. The Hague – Paris. 1970. P. 670–705.

Pichio R. The Function of Billical Thematic Clues in the Literary Code of Slavia Prtodoxa. *Slavica Hierosolymitana*. 1977. Vol. 1. P. 1–16.

QUOTATION IN HAGIOGRAPHY (a case study of written records of the late north russian hagiographical tradition)

Svetlana A. Averina

**Associate Professor in the Department of Russian Language
Saint Petersburg State University**

The article considers functioning of quotations from the Holy Writ texts in hagiographies belonging to the late North Russian tradition. The quotations, revealed through the analysis of characteristic features typical of quotes, demonstrate different methods of their introduction into the textual structure of hagiographies. They appear to be made with either a direct reference to the quotation source (sacramental text) or to the person stating the idea. Double marking is also possible. In most cases there are no clarifying indications and quotations are only marked with speech verbs. A considerable number of quotations are not marked in a special way but included into the text as if they come from the author. It is especially difficult to identify such unmarked quotations because their lexis, grammar and syntax are usually transformed. Cases and methods of combining different types of quotations (citation blocks) within one hagiographical text are of special interest. The quotations analyzed clearly demonstrate that citation has two important (and interrelated) functions in hagiography – stylistic and text-forming. From the quotations it is also possible to get a clear idea of the features of North Russian, in particular Vologda region, hagiography.

Key words: hagiography; canon; topoi; quotation; Northern Russian hagiographical tradition.